

УДК 655.552:94

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.563-577

**ОСТЯК ОСТЯКА ВИДИТ ИЗДАЛЕКА: ПО МОТИВАМ КНИГИ
«ИШТЯКИ: ПРИУРАЛЬСКО-СИБИРСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ»*****А.В. Головнёв***

*Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Санкт-Петербург, Белгород, Российская Федерация
andrei_golovnev@bk.ru*

Цель: в статье-рецензии автор обобщает мнения авторов сборника статей и высказывает свою точку зрения на заданную тему. Видя нацеленность авторов на урало-сибирское пограничье, рецензент считает необходимым расширить диапазон обзора, включив в него остяцкую тайгу. Количество приведенных в сборнике башкирских примеров создает впечатление, будто именно в башкирской этнонимике кроется ключ к разгадке феномена иштяков. На самом деле сибирские материалы о «классических остяках» – таежных народах Западной и Средней Сибири (хантах, селькупках и кетах), содержат не менее важную информацию о значении этого этнонима и скрытого за ним феномена пограничья между степью и лесом. Если собрать воедино этнонимические свидетельства об иштяках/остяках от ногаев до хакасов, то «иштякский пояс» растянется «от Волги до Енисея». За свою предположительно долгую (пра)историю слово *иштяк* могло пережить и сочетать разные значения и оттенки: «лесные люди», «дикари», «северные варвары», «инородцы», «иноверцы», «данники». Возможно, звание *иштяк* в значении «лесной житель» и «дикарь» во все времена содержало в себе оттенки «идолопоклонства». Но особенно рельефно этот смысл обозначился в XIV в., когда Северную Евразию накрыла очередная волна геополитической конкуренции христианства и ислама. Когда геополитика стала стержнем идеологии государств и народов, конфессиональное наполнение слова *иштяк* стало доминирующим.

Ключевые слова: рецензия, этническая история, Урал, Сибирь, этноним, иштяк, остяк

Для цитирования: Головнёв А.В. Остяк остяка видит издалека: по мотивам книги «Иштяки: приуральско-сибирское пограничье» // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 563–577. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.563-577

**OSTYAK SEES OSTYAK FROM AFAR: FEW REMARKS ON THE “ISHTYAKS:
THE BORDERLAND BETWEEN THE CIS-URALS AND SIBERIA”*****A.V. Golovnev***

*Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
Belgorod State National Research University
Saint Petersburg, Belgorod, Russian Federation
andrei_golovnev@bk.ru*

Abstract: In this review article, the author summarizes the views expressed in the collected papers of several authors and articulates his own vision on a specific topic. Seeing the authors' focus on the borderland between the Cis-Urals and Siberia, the reviewer con-

siders it necessary to expand the range of the overview by including into consideration the Ostyak taiga. The number of Bashkir examples cited in the book gives the impression that primarily the Bashkir ethnonym holds the key to making sense of the Ishtyak phenomenon. In fact, Siberian materials about the “classical Ostyaks” – the taiga peoples of Western and Central Siberia (Khanty, Selkups, and Kets) – are no less important information for the meaning of this ethnonym and the phenomenon of the borderland between the steppe and the forest hidden behind it. If we put together the ethnonymic evidence of the Ishtyaks / Ostyaks from the Nogays to the Khakasses, then the “Ishtyak belt” will stretch “from the Volga to the Yenisei.” Over its supposedly long (pre)history, the word Ishtyak could survive and combine different meanings and shades: “forest people”, “savages”, “northern barbarians”, “foreigners”, “gentiles”, and “tax-payers”. Perhaps the term Ishtyak in the sense of “forest dweller” and “savage” contained implications of “idolatry” at all times. However, this meaning was especially strengthened in the fourteenth century when Northern Eurasia was swept by another wave of geopolitical competition between Christianity and Islam. At a time when theopolitics became the core of the ideology of states and peoples, the confessional aspect of the word Ishtyak became dominant.

Keywords: review, ethnic history, Ural, Siberia, ethnonym, Ishtyak, Ostyak

For citation: Golovnev A.V. Ostyak Sees Ostyak from Afar: Few Remarks on the “Ishtyaks: The Borderland between the Cis-Urals and Siberia”. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 563–577. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.563-577

При знакомстве с рецензируемым научным сборником первым встает вопрос о его соответствии распространенным формам представления научных данных в виде материалов симпозиума, тематической подборки статей или коллективной монографии. Читатель по-разному воспринимает текст, если он является (1) итогом многолетних коллективных изысканий, (2) дискуссионной трибуной или (3) авторскими вариациями на заданную тему. Обсуждаемый сборник сочетает в себе все три подхода, в чем состоит одновременно его сила и его слабость.

Авторы не заявляют свой труд как коллективную монографию, осознавая, что их совместные усилия не привели пока к систематическому своду данных или однозначному «решению проблемы». Кроме того, в сборнике неравномерно представлены дисциплины, обычно привлекаемые к комплексным этно-историческим исследованиям. Большинство статей принадлежит историкам и этнографам, тогда как археологии посвящен лишь один очерк, как и лингвистике (точнее топонимии, хотя сборнику не помешал бы специальный обзор этимологии и языковой истории титульного названия «иштяки»), а физической антропологии и вовсе не досталось места, если не считать ряда частных ссылок на палеогенетические данные. Различаются включенные в сборник статьи и ракурсами освещения темы: одна часть представляет собой профилирующие обзоры (И.М. Миргалеев, А.В. Аксанов), другая – своды данных по конкретным сюжетам (Д.М. Исхаков, З.А. Тычинских, В.В. Трепавлов), третья – изложение авторских концепций (Г.Х. Самигулов, Д.Н. Маслюженко, В.А. Иванов), четвертая – выкладку новых эмпирических материалов (Ж.М. Сабитов, Р.Н. Шигабдинов), пятая – предварительные сообщения о проводимых изысканиях (В.А. Курбатов, Т.А. Акерев, О.Н. Науменко, Ю.А. Бортникова).

Следующий вопрос, возникающий по ходу чтения, относится к поиску главного героя (или предмета) повествования: это история о народе или о названии? или о временах и нравах, когда это название было в ходу? или о страницах науки, когда эта тема стала предметом научных изысканий и гипотез? Если «или» заменить на «и», то откроется общий мотив создания сборника: коллективная попытка идентификации загадочного феномена на пересечении всех этих измерений, включая историческое урало-сибирское пограничье и стык разных подходов и дисциплин.

Давая объемное приложение из фрагментов исторических, археографических и этнографических источников, составители сборника будто приглашают читателя включиться в обсуждение темы и предлагают необходимый для этого «джентльменский набор» знаний. Что ж, остается принять приглашение и отнестись к рецензированию не оценочно, а исследовательски: мою рецензию можно считать добавочной, 13-й (интеркаляционной, если пользоваться терминологией лунной хронологии) статьей рассматриваемого сборника. Видя нацеленность авторов на урало-сибирское пограничье, я все же позволю себе расширить диапазон обзора, включив в него остяцкую тайгу. Разделю обзор на разделы в последовательности, удобной для тех, кто впервые слышит слово «иштяк». Но прежде сделаю пару вводных замечаний: (1) от предпринимаемого исследования следует ожидать не «единственно верной» трактовки, а погружения в атмосферу этноистории, которая допускает альтернативы мнений и действий; иначе говоря, мыслить в этноистории следует сценариями, а не догмами; (2) в прошлом случайностей и причуд ничуть не меньше, чем в настоящем; иногда в восприятии этноистории психологические приемы (например, юмор) оказываются трезвее логики.

Много- или одноименность?

Большинство авторов сборника принимает круг этнонимов *иштяк–остяк–иштиг–эштек–естек* за единый пул. Исключение составляет В.А. Курбатов, который в статье «Иштякская топонимика», с одной стороны, настаивает на «неправомерности синонимизации этнонимов иштяк и остяк», поскольку морфемы *иш* и *ос* не тождественны, а их сближение за счет созвучия фрагментов *тяк* – «продукт фонетического соблазна»; с другой, он допускает идентификацию обширного круга топонимов с морфемой *ишт*, включая Иштан, Иштупаново, Иштеряково, Иштомар, Иштель, Иштирхон и др., обозначающих пути расселения носителей *ишт*-топонимов от междуречья Оби и Енисея (Минусинской котловины, Кузнецкого Алатау) на запад до Средней Волги и на юг до Афганистана и Дагестана. Автор осознает, что «не все названия имеют отношение к собственно иштякам», но общая картина представляется ему настолько реалистично, что он высчитывает скорость движения носителей *ишт*-топонимов – 4,2 км/год. Для пушшего правдоподобия он дополняет картину размышлениями о том, что миграция была вызвана «существованием значительной пассионарной прослойки в исходном обществе», а скорость переселения была невысока ввиду наличия в стадах мелкого рогатого скота [12, с. 92–98].

Отдавая должное полихромии воссоздаваемой картины, я не готов столь вольно обращаться с морфемами и предпочту, подобно большинству авторов сборника, топонимии этнонимии. В установочной статье И.М. Миргалеев

открывает этнонимическую панораму словом *иштяк*: так сибирские (тоболо-иртышские) татары называли хантов, курганские татары – зауральских башкир, приуральские татары – башкир; так в прошлом самоопределялись северные башкиры и пермские татары. Калмыки именовали сибирских татар *иштиг*, башкир – *иштиг-мангыт*, казахи башкир – *естек*. Хакасы словом *эштек* обозначали вообще все северные племена [14, с. 5].

Ж.М. Сабитов дополняет эту картину/карту обзором распространения этнонима *естек* у казахов. В отдаленном прошлом (условно, средневековье) казахи так называли башкир и родовые группы в собственной среде, связанные с башкирами или Башкирией. Благодаря шеджере удается разглядеть сценарии появления таких групп, а в противоречивых, на первый взгляд, вариациях следует видеть не разноту, а допускаемый казахской традицией диапазон родообразования. Иначе говоря, многообразие версий отражает набор конкретных и/или типичных путей распространения этнонима.

Согласно шеджере, род Естек-Кете (часть большого рода Алимұлы-Алшин) появился у казахов после усыновления Ажибай-бием трех естеков (башкир), которых звали Балта, Сары и Жаман. В ряде версий речь идет о пяти башкирах, из которых трое остались у казахов и стали родоначальниками, а двое не оставили потомства или жили отдельно от Естек-Кете (кроме того, Естек-Кереи состояли в ханской гвардии *толенгут*). Приход естеков связывается с восстаниями башкир 1730-х и/или 1770-х годов, подавление которых вызвало отток мятежников в степь. При этом речь идет не о бытовых мигрантах, а о воинах, связанных с казахами союзничеством и баталиями. Например, казахский хан Нуралы в 1771 г. пожаловал земельные владения роду Естек-Кете после того как Кармыс, сын Балта-батыра, одолел в поединке калмыцкого богатыря, обеспечив казахам победу над калмыками. В одной из версий Балта-батыр фигурирует как соратник и родственник Салавата Юлаева, впоследствии укrywшийся в казахских степях со своими братьями и друзьями. Казахи и сами участвовали в башкирских восстаниях: согласно одному из преданий, Балта-батыр был вовсе не башкиром, а казахом из рода Каракесек-Аргын Среднего жуза и прибыл в Башкирию в 1730-е годы вместе с казахским ханом Самеке на помощь мятежному башкирскому «хану» Карасакалу; в этой версии Балта оказался естеком не по роду-племени, а по прозвищу, которое заслужил походом в Башкирию по возвращении в Младший жуз к Ажибай-бию. Еще одно предание представляет родоначальников Естек-Кете не башкирами, а казахами, побывавшими в Башкирии во время «пыльного похода» 1771 года и вернувшимися в степь с прозвищем Естек. Наконец, есть предание, прямо указывающее на происхождение пятерых пришедших на службу к Ажибай-бию воинов: из них один башкир, а остальные – ногай, туркмен и два казаха [17, с. 114–117].

Эти предания проливают свет на политические обстоятельства и социальные механизмы, посредством которых этноним распространялся в кочевой среде. У казахов, как и у других кочевников, совместные передвижения и сражения могли преобразоваться в «родство» посредством побратимства или усыновления, и «новое братство» нередко оказывалось прочнее генетического.

Кроме того, побратимство обычно скреплялось перекрестными браками, и иноэтничное свойство служило каналом передачи этнонима по женской линии.

Количество приведенных выше (и в сборнике) башкирских примеров создает впечатление, будто именно в башкирской этнонимике кроется ключ к разгадке феномена иштяков. На это же настраивают помещенные в сборнике карты, а также избранные фрагменты источников в приложении. На самом деле «башкироцентризм» – дань научным интересам большинства привлеченных авторов и очерченной ими области исследования (урало-сибирское пограничье). Если бы подобная тема была предложена сибиреведам, они взяли бы толковать о «классических остяках» – таежных народах Западной и Средней Сибири, припоминая напоследок об иштяках среди зауральских башкир и сибирских татар.

Едва ли есть основания сужать пространство иштяков до узкой локации, как это делают авторы карт, помещенных в сборнике. В.А. Иванов, увлекшись археологической интерпретацией соблазнительного своей персонализацией и датировкой свидетельства Абу-л-Гази о бегстве кыпчаков к иштякам после поражения от Джучи-хана, проецирует этот сюжет на археологический ландшафт Приуралья XIII в. и приходит к однозначному заключению: «иштяки» у Абу-л-Гази – это носители чияликской культуры Приуралья [6, с. 85]. На карте Казанского ханства 1445–1552 гг., составленной А.В. Аксановым и А.В. Астайкиным, иштяки помещены между татарами, башкирами и удмуртами (вотьяками и арами) на Южном Урале в верховьях Уфа-реки, в пограничье Казанского и Сибирского ханств. Локации на двух картах лишь частично совпадают друг с другом и, на мой взгляд, неоправданно сужают ареал иштяков.

В свое время Р.Г. Кузеев отмечал, что в XVI–XIX вв. ногаи и казахи называли иштяками не только башкир (преимущественно восточных), но и барабинских татар [22, с. 123]. В сборнике эта линия поддержана в статье З.А. Тычинских, напомнившей, что иштяками называли и обитателей нижнего Иртыша, которые «имели тюрко-угорское происхождение и, возможно, легли в основу формирования иштякско-токузских татар» [20, с. 66; 16, с. 149].

Если собрать вместе этнонимические свидетельства об иштяках/остяках от ногаев (Волга) до хакасов (Енисей), то «иштякский пояс» растянется, как в песне, «от Волги до Енисея». На карте это явно не точка, а линия, обозначающая пограничье больших миров. В реконструкции *иштяк*-пространства нет нужды искать точечный локальный очаг, поскольку речь идет о явлении, соотносимом с тюркским кочевым миром со свойственным ему географическим размахом.

Имя во времени

Хронографический след названия «иштяк» может быть не менее пространственным, чем географический, хотя фактов в этом отношении гораздо меньше, чем гипотез. Т.А. Акеров со ссылкой на ряд научных авторитетов отмечает, что «большая часть исследований проблемы происхождения этнонима “иштяк” связывали с двумя историческими периодами – дахо-массагетской эпохой кон-

ца I тыс. до н.э., а также началом тюрко-угорских взаимосвязей в середине I тыс. н.э. на Сыр-Дарье, в Приаралье и прилегающих к нему степных просторов» [1, с. 133]. В.А. Курбатов со ссылкой на Рубехана Исфаганского относит происхождение этнонима иштяк к XV в. и связывает его с группой башкирских племен айле, тангаур, юрматы [12, с. 92]. Разница в два тысячелетия указывает, с одной стороны, на условность ономастических реконструкций, с другой, на возможную глубину ретроспективы слова, от истоков кыргызского эпоса «Манас», где упоминается Эштяк (дядя Манаса по материнской линии и предводитель сары-ногаев), до енисейских остяков-кетов, которым это имя могло достаться от минусинских хакасов (кыргызов). За свою предположительно долгую (пра)историю на протяженном пограничье слово *иштяк* могло пережить и сочетать разные значения и оттенки.

Р.Г. Кузеев, исследовавший историю племени иштяк (эштек), относит приход иштяков из Приаралья с Сырдарьи на Южный Урал к XIII–XIV вв. [11, с. 205]. Тем самым предполагается, что изначально иштяки были самостоятельным – этнонимически определенным – племенем (народом). С объявления этой позиции начинается и аннотация рецензируемого труда: «в научном сборнике представлены новейшие исследования, посвященные формированию и развитию тюрко-угорской народности, известной по источникам XV–XIX вв. как “иштяки”». Среди авторов ее отстаивают А.В. Аксанов, который видит в иштяках народность, некогда населявшую иштяко-башкирские улусы в верховьях Камы и на Среднем Урале, а затем мигрировавшую к югу и растворившуюся в других народах [2, с. 26], и И.М. Миргалеев, считающий, что иштяки «родились» в контактной зоне тюрко-угорского пограничья и стали заметной этнической группой уже в ханский период [14, с. 11].

Д.М. Исхаков представляет остяков Среднего Приуралья этническим субстратом, имевшим угорские этнические истоки и ассимилированным золотоордынскими татарами. Он различает три варианта формирования остячко/татарского «двусоставного населения» Пермского Приуралья XVI – середины XVII вв., согласно которым иштяки: а) ассимилируемые татарами угры; б) ассимилируемые башкирами угры; в) башкиры, имевшие угорские этнические истоки, а затем ассимилированные татарами. Как видно, внимание автора сосредоточено не столько на остяках, сколько на соотношении башкир и татар в этноистории Среднего Приуралья – Тулвы, Сылвы и Ирени [7, с. 32–42]. В других работах Д.М. Исхаков дает более масштабную панораму распространения иштяков и предполагает, что в дорусский период общность, именованная на тюркских языках *иштэк/истэк/уштэк*, «была расселена не только в Южном Приуралье, но и в Зауралье», что соотносится «с традицией именованная в прошлом казахами, хивинскими узбеками и ногайцами башкир, а также сибирских татар иштяками» [9, с. 278].

В.В. Трепавлов, обводя остяков «ногайским взглядом» (через историю Ногайской Орды), замечает, что ногаи в XVI в. считали своим правом владеть иштяками Башкирии и брать с них ясак. Он допускает, что «существовало какое-то (пока не определяемое по текстам) территориальное и этнографическое различие двух групп средневековых башкир: западная группа – иштяки,

восточная – собственно башкиры. Возможно, племена, кочевавшие попеременно с ногаями (в будущей Ногайской даруге), обозначались как башкиры; те же, что селились на северо-западной и, может быть, северо-восточной периферии ногайских владений (в будущих Казанской и Сибирской даругах), – как иштяки». При этом он подчеркивает: «Вариант написания “остяки” не должен вводить в заблуждение; конечно, имелись в виду не обские угры. В ряде документов ясно отображено, что эти “остяки” проживали на территории современной Башкирии» [19, с. 107, 108].

Замысловатые интерпретации – отражение сложных реалий, а не путаницы в головах исследователей. Однако концентрация на растущем числе свидетельств о сылвенских и иренских остяках общую картину не проясняет. Зато при расширении обзора на запад и восток выявляется базовое значение слова «иштяк». Если учесть возможность называния остяками черемисов, как это следует из опубликованного в приложении к сборнику фрагмента «Казанской истории» – «Бысть же Черемиса, зовомая остяки» [10, с. 141], то становится очевидной надэтничность этого обозначения. В Сибири ситуация еще прозрачнее: «остяками» зовется целый ряд таежных народов – ханты, селькупы, кеты. Вообще говоря, именно Сибирь, а не Приуралье, дает устойчивую, с позволения сказать, классическую картину словоупотребления *иштяк/остяк*. Здесь, в своей «естественной» среде, это определение используется тюрками для обозначения своих северных лесных соседей. Это внешнее имя (экзотоним) жителей лесов со стороны обитателей степей, с юга – на север, от кочевников – промысловиков. Различительные качества (северянин, промысловик, житель тайги) сходятся в значении иштяков/остяков как «лесных людей».

На эту базовую «геополитическую» основу наслаиваются дополнительные смыслы-оттенки, в разное время ситуативно доминировавшие: «дикари», «северные варвары», «инородцы», «иноверцы», «данники». Понятно, что средневековые кочевники обходились без сложных категорий геополитики (хотя виртуозно реализовали ее на практике) и использовали привычные обозначения, придавая им новый смысл. Так, в периоды военно-политического господства степи над тайгой у слова *иштяк/остяк* рельефно проявлялось значение «данник», плательщик *ясака*.

Этот ракурс соотносится с версией Г.Х. Самигулова и Д.Н. Маслюженко о сословном характере названия *иштек*, означавшем на Урале (в Ногайской Орде и Сибирском ханстве) «податное, ясачное население», причем во второй половине XVI в. под остяками подразумевались «представители самых разных народностей и родоплеменных групп». Фразы из документов, приводимых авторами, убедительно подтверждают это наблюдение: «ясаки с остяков» – нечто вроде «подати с налогоплательщиков», а «ясачные остяки» – «податное население». Если какой-то улус или юрт переходил из рук в руки в качестве ясачного владения, он мог быть назван «иштекским» («остяцким») в силу его социального статуса. Примерно так, по мысли авторов, произошло с захваченным Кучумом «Тау Буга йурты Ишдеге» (в описании Утемиш-хаджи) – «остяцким юртом Тайбуги» в низовьях Иртыша. Таким образом, соционим *иштэк/остяк* в XVI–XVII вв. «обозначал не этническую, родоплеменную или языковую группу, а податное (ясачное) население» постордын-

ских государств – Ногайской орды и Сибирского ханства, а затем в том же качестве перешел в словарный обиход Москвы. Позднее он сохранил свое исходное значение лишь в отдельных уездах (Пелымском, Тобольском, Березовском, Томском), тогда как в иных на его место пришли другие обозначения: в Уфимском уезде – «башкиры», в Верхотурском – «вогулы», в Туринском и Тюменском – «татары»; лишь в Кунгурском уезде сохранялась пестрота обозначений: пермичи, татары, остяки, черемиса [18, с. 46–57].

Логично допущение, что ввиду своего податного статуса та или иная территория вместе со своим населением могла приобрести устойчивое звание «остяцкой». Портит картину только то, что в этом случае выражение «ясачные остяки» становится тавтологией, и если бы «остяки» действительно были устойчивым соционимом, документы пестрили бы словосочетаниями «башкирские остяки», «татарские остяки», «вогульские остяки», чего в действительности нет. Напротив, «остяки», «татары», «башкиры», «вогулы» сочетаются в списках как понятия одного ряда, а для обозначения податного статуса используются выражения «ясачные татары» и «ясачные вогулы». Впрочем, И.М. Миргалеев реконструирует словосочетания «болгар иштэге» и «башкорт иштэге», но лишь применительно к Южному Уралу [14, с. 6].

В межгосударственном пограничье наблюдается своего рода мерцание этнонимов. Народам, живущим на пограничье и, особенно, разделенным государственными границами, случается носить сразу несколько названий, данных разными соседями и метрополиями. Зачастую смена названия не имеет ничего общего с внутренней этничностью, а отражает подвижку в большой геополитике, переделе владений между империями. В этом выражается «право на имянаречение» политически доминирующих держав, и нередко реализация этого права обретает вид манифестации нового режима. Так случилось в СССР 1930-х годов, когда «малые народы Севера» были скопом переименованы, будто им всем в одночасье пришла мысль избавиться от «унизительных» царских названий вроде «самоеды», «гиляки» и «остяки». Подобные действия в отношении зависимых народов производились через переписи, картографию, разного рода сводки и описания, которые отражали не только, а иногда не столько, этническую реальность, сколько колониальную политику. Однако, за отсутствием иных источников, именно эти свидетельства считаются «историческими фактами». В случае с кочевниками ситуация осложняется скудостью их бумажного делопроизводства в сравнении с обилием такового у оседлых правителей. «Бумажная правда» далеко не всегда адекватно передает реальность, особенно в описании кочевых народов и государств.

Религиозный шлейф

Возможно, звание *иштяк* в значении «лесной житель» и «дикарь» во все времена содержало в себе оттенки кондового язычества и «идолопоклонства». Но особенно этот смысл обозначился в период, когда Северную Евразию накрыла очередная волна геополитической конкуренции христианства и ислама. С XIV в., по мере исламизации Золотой Орды при Узбек-хане

и с началом миссионерства Москвы при Дмитрие Донском, религиозная манифестация стала знаменем государственных идеологий. В лице Стефана Пермского Москва в 1380-е годы впервые заявила и исполнила православную миссию, крестив Пермь Вычегодскую и разделив ее население на крещеных пермян и некрещеных вогулов. Принявшие христианство и московское подданство жители Перми (в большинстве коми) выступили проводниками миссии Стефана, а мятежники и беглецы стали зваться «дикими», «косматыми», «язычниками» — вогулами [5, с. 429–435].

Почти синхронно, в 1390-е годы, по сходному сценарию действовали миссионеры в Прииртышье, только здесь они выступали под знаменами ислама. Со времен религиозных войн учеников шейха Багаутдина в Сибири сохранилось предание о приходе в 1394 г. проповедников ислама на Иртыш, где жили народы хотан, ногай, кара-кыпчак и иштяк; последнее название происходит оттого, что народ иштяк бежал в леса и «остался без веры» [8, с. 16]. В сибирских шеджере, связанных с суфийской традицией, упоминается «юрт Ичтак» на Иртыше или в его низовьях, а также народ Ичтак, который бежал от шейхов и остался вне ислама [18, с. 48].

Из авторов сборника эту тему основательно развивает З.А. Тычинских, находя опору в одной из своих ранних работ, написанных в Тобольске. Именно из Тобольска, старой столицы Сибири, что по соседству с Искером, столицей Сибирского ханства, хорошо различимы оттенки значений слова *иштяк*. Именно здесь учредил свою ставку Кучум-хан, захватив «остяцкий юрт Тайбуги». К северу от Искера (устья Тобола) начинаются земли таежных остяков (хантов), а вокруг среди заболотных татар на западе, барабинских татар на востоке, тоболо-иртышских татар вокруг Искера обильно присутствуют следы иштяков, в том числе род Иштяк-тугум [20, с. 65].

Это обстоятельство задолго до нас в настойчивых интонациях доносили до читателя многие исследователи Сибири – в XVIII веке такая характеристика иштяков/остяков была общим местом. Академик Иоганн Фишер в «Сибирской истории» 1774 г. писал: «Юштяк есть Татарское слово и значит то же самое, что у греков парпар, то есть чужеземца, пришельца, так же дикаго непросвещенного человека» [21, с. 85]. Ему вторил в 1783 г. путешественник Пьер-Шарль Левек: «Татары, покоря Сибирь под свое иго, называли природных тамошних жителей ругательным словом уштяки... “дикари”. Название сие превратили русские в слово “отяк”» [13, с. 10].

Более того, это же толкование в конце XVII в. передает Николаас Витсен, собиратель и компилятор прямых свидетельств ранних контактов русских с туземцами Урала и Сибири. В его «Северной и Восточной Тартарии» опубликовано немало сведений об остяках, в том числе предание об их крещении в Перми и переселении в Сибирь:

Говорят, остяки вышли из Перми и Зыряни. Они до сих пор все были язычниками. Но были крещены набожным священником по имени Прокопий... Но часть из них остались язычниками и ушли, покинув свое отечество, и поселились на Оби, Иртыше, вблизи Сургута и Кети, оставаясь в своем неверии, почему и получили название остяки, что на народном языке значит как бы «сбежавшие варвары» [3, с. 794].

Итак, устоявшиеся в российской лексике названия родственных народов вогулов и остяков означают одно и то же – «дикарь/язычник», с той лишь оговоркой, что исходят они с разных сторон: *вогулы* – от пермян-христиан, а *остяки* (*иштяки*) — от татар-мусульман [4; 5, с. 434–437]. Со временем под давлением «бумажной правды» прозвище со стороны стало самоназванием – настолько, что его носители, а вслед за ними исследователи, сконструировали народные этимологии, пытаясь, например, с помощью хантыйской лексики разложить слово «остяк» на *ас* (обской) и *ях* (народ). Когда толкователи этимологии *остяк* от финно-угроведения и *иштяк* от тюркологии умудряются не читать и не слышать друг друга, складывается впечатление, что они следуют старой имперской традиции наречения подвластных народов на свой лад.

В эпоху религиозных войн, когда теополитика стала стержнем идеологии государств и народов, конфессиональное наполнение слова *иштяк* стало доминирующим. Это видно и по заметкам академиков-путешественников, которые словники для словарей начинали со слова «бог», а описания народов открывали характеристикой их верований. Ранняя этнография XVIII в. зафиксировала и по-своему сгустила религиозный оттенок названия «остяк», поспособствовав его закреплению в сибирском администрировании.

Своего рода вариацией на конфессиональную тему в сборнике выглядит предложенная О.Н. Науменко и Ю.А. Бортниковой интерпретация «религиозного синкретизма» на примерах орнамента на грамоте хранителя Юрумской астаны и изображения одежды обдорских остяков на литографии Винкельмана. Эти свидетельства религиозного синкретизма, по мысли авторов, подтверждает их рабочую гипотезу: оформление одежды остяцких женщин на литографии и орнамента на грамоте позволяет утверждать, что «оно было уже не обско-угорское, но еще не классическое исламское, отражая синкретичный комплекс традиций». Авторы полагают, что «набор компонентов синкретичной культуры мог быть одним из идентифицирующих факторов иштякской общности в Западной Сибири», отражая промежуточную стадию ее перехода от архаичных представлений к классическому исламу [15, с. 78, 81]. Помимо неопределенности в части источников и сравнительного фона (орнамент характеризуется по описанию, а не изображению, круги и кресты относятся к специфике угорского наследия, вольные цветовые аллюзии принимаются за аргументы), эти суждения содержат что-то от околонучной фантастики, например, предначертанный авторами для обдорских остяков путь в ислам (с чем не следует путать ордынские – монгольские и тюркские – ассоциации в званиях и атрибутике северной элиты, в частности обдорских князей Тайшиных и Мурзиных).

* * *

Может ли обсуждаемый сборник быть, как значится в аннотации, полезен «исследователям, преподавателям вузов, представителям органов власти и управления и всем тем, кто интересуется историей и культурой народов России»? Не берусь судить об интересах органов власти и выборе исследова-

тельских тем вузовской молодежью Урало-Поволжья и Сибири, но в мои студенческие годы я дорого бы дал, чтобы заполучить в свою библиотеку такую книгу и, как в ту пору водилось, прочесть ее от корки до корки.

Есть ли у «иштякской темы», помимо прошлого, будущее? Однажды в Томском Приобье я разговорился со старой селькупкой об оттенках значений названия «селькуп»; в конце беседы она выдержала паузу и с достоинством молвила: «Я – остяк». В моей полевой практике не часто случалось, чтобы коренные жители проявляли тяготение к отмененным советской властью старым названиям. Но с наступлением эры киберреальности легко оживают призраки прошлого в смеси с персонажами фэнтези (готы, эльфы и др.). Нашлись инициаторы обновления и иштякского сюжета: каракалпаки Естек-кыпшак создали неформальное объединение «Естек бирлесиу», общающееся на различных форумах в интернет-пространстве [22, с. 130]. В качестве противоядия приведенным выше коннотациям слова «иштяк» уже выдвинута версия этимологии соотносимого с ним названия *хешдек* (так звал тюрок-мусульман Поволжья османский путешественник XVII в. Эвлия Челеби) в значении «великая родня», «родня великих ханов», от иран. *хеш* – «родня» и *дах* – «великий» [23]. Эти неожиданные новые поиски этничности настроены как на ретроспективу, так и на перспективу: выстраиваемый ряд синонимов/паронимов иштек–киштек–каштек–хешдек [1, с. 135] на уровне игры слов продолжается невесть откуда (из Твиттера) вторгшимся во все языки знаком-термином *хэштег* (*hashtag*). Понятно, что «метка-решетка» не имеет ничего общего с «великой родней», но в мире постмодерна возможны самые странные сочетания. Во всяком случае, *хешдек* – удобный *хэштег* (в порядке неакадемической подсказки каракалпакской группе «Естек бирлесиу»), а упоминание киберреальности в рецензируемом сборнике лишний раз свидетельствует о его обращенности к современному интеллектуальному читателю, которому не чужды ни этноисторические штудии, ни размышления о собственном этно-я.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акерев Т.А. К вопросу о связях кыргызов с иштяками // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 133–136.
2. Аксанов А.В. Иштяки Казанского ханства // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 14–31.
3. Витсен Н. Северная и восточная Тартария. Т. II. Амстердам: Pegasus, 2010. 608 с.
4. Головнёв А.В. Югра и Самоядь // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 2. Новосибирск: ИАЭ РАН, 1998. С. 133–144.
5. Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.
6. Иванов В.А. Иштяки по данным археологии // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 84–92.
7. Исхаков Д.М. «Остяки» Среднего Приуралья во второй половине XVI–XVII в. Проблема этнической принадлежности // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 32–44.

8. *Исхаков Д.М.* Введение в этнополитическую историю сибирских татар // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 12–32.
9. *Исхаков Д.М.* Иштыкская общность Приуралья в Средневековье // История татар Западного Приуралья. Т. 1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 278–295.
10. Иштыки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 216 с.
11. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 576 с.
12. *Курбатов В.А.* Иштыкская топонимика // Иштыки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 92–98.
13. *Левек П.-Ш.* История народов, подвластных России. СПб.: Дмитрий Булачин, 2016. 480 с.
14. *Миргалеев И.М.* Тюрко-угорская контактная зона в Западном Приуралье: проблема иштыков // Иштыки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 5–13.
15. *Науменко О.Н., Бортникова Ю.А.* «Остяк» – «иштык» – «татарин»: к вопросу о культурно-религиозном синкретизме в художественной культуре Западной Сибири // Иштыки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 76–83.
16. *Пилипчук Я.В.* Иштыкская проблема. Башкиры в эпоху средневековья // Тюркология. № 5 (91). 2018. С. 135–152.
17. *Сабитов Ж.М.* Казахские естеки/иштыки // Иштыки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 114–120.
18. *Самигулов Г.Х., Маслюженко Д.Н.* Понятие «Иштэк» / «Остяк» как соционим (Урал и зауральские уезды конца XVI–XVII вв.) // Иштыки: приуральско-сибирское пограничье». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 45–60.
19. *Трепавлов В.В.* Иштыкско-ногайские взаимоотношения // Иштыки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 99–113.
20. *Тычинских З.А.* Иштык-тугум сибирских татар (к вопросу о тюрко-угорских взаимодействиях в Западной Сибири) // Иштыки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 61–75.
21. *Фишер И.Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб.: Имп. Академия наук, 1774. 631 с.
22. *Шигабдинов Р.Н.* Естеки/иштыки Каракалпакстана // Иштыки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 121–132.
23. *Юсупов Р.М.* К семантике родовой символики башкир и этимологии этнонимов башкорт, иштык // Городские башкиры. Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. Уфа, 2010. С. 28–32.

Сведения об авторе: Андрей Владимирович Головнёв – доктор исторических наук, чл.-корреспондент РАН, профессор, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (199034, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, Российская Федерация), Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: andrei_golovnev@bk.ru

Поступила 20.04.2020 Принята к публикации 25.08.2020

Опубликована 29.09.2020

REFERENCES

1. Akerov T.A. K voprosu o svyazyakh kyrgyzov s ishtyakami [On the question of the relations of the Kyrgyz with the Ishtyaks]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranch'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 133–136. (In Russian)
2. Aksanov A.V. Ishtyaki Kazanskogo khanstva [The Ishtyaks of the Kazan Khanate]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranch'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 14–31. (In Russian)
3. Witsen N. *Severnaya i vostochnaya Tartariya* [The Northern and Eastern Tartary]. Vol. II. Amsterdam: Pegasus, 2010. 608 p. (In Russian)
4. Golovnev A.V. Yugra i Samoyad' [Yugra and the Samoyads]. *Sibir' v panorame tysyacheletiy* [Siberia in the Panorama of Millennia]. Vol. 2. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1998, pp. 133–144. (In Russian)
5. Golovnev A.V. *Fenomen kolonizatsii* [Colonization Phenomenon]. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. 592 p. (In Russian)
6. Ivanov V.A. Ishtyaki po dannym arkhologii [The Ishtyaks according to archaeology]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranch'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 84–92. (In Russian)
7. Iskhakov D.M. “Ostyaki” Srednego Priural'ya vo vtoroy polovine XVI–XVII v. Problema etnicheskoy prinadlezhnosti [“Ostyaks” of the Middle Cis-Urals in the second half of sixteenth and seventeenth centuries. Ethnicity issue]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranch'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 32–44. (In Russian)
8. Iskhakov D.M. Vvedenie v etnopoliticheskuyu istoriyu sibirskikh tatar [Introduction to the ethnopolitical history of the Siberian Tatars]. *Isker — stolitsa Sibirskogo khanstva* [Isker: The Capital of the Siberian Khanate]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2010, pp. 12–32. (In Russian)
9. Iskhakov D.M. Ishtyaskaya obshchnost' Priural'ya v Srednevekov'e [The Ishtyak community of the Cis-Urals in the Middle Ages]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya*, Vol. 1: *Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekovye gosudarstva* [History of the Tatars of the Western Cis-Urals, Vol. 1: Nomads of the Great Steppe in the Cis-Urals. Tatar Medieval States]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 278–295. (In Russian)

10. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 216 p. (In Russian)

11. Kuzeev R.G. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya* [The Origin of the Bashkir People. Ethnic Composition and History of Settlement]. Moscow: "Science", 1974. 576 p. (In Russian)

12. Kurbatov V.A. Ishtyaskaya toponimika [The Ishtyak toponymy]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 92–98. (In Russian)

13. Levesque P.Ch. *Istoriya narodov, podvlastnykh Rossii* [History of the Different Peoples Subjected to the Domination of the Russians = Histoire des différents peuples soumis à la domination des Russes]. St Petersburg: "Dmitriy Bulanin", 2016. 480 p. (In Russian)

14. Mirgaleev I.M. Tyurko-ugorskaya kontaktnaya zona v Zapadnom Priural'e: problema ishtyakov [Turkic-Ugric contact zone in the Western Cis-Urals: Ishtyak issue]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 5–13. (In Russian)

15. Naumenko O.N. and Bortnikova Yu.A. "Ostyak" – "ishtyak" – "tatarin": k voprosu o kul'turno-religioznom sinkretizme v khudozhestvennoy kul'ture Zapadnoy Sibiri ["Ostyak" – "Ishtyak" – "Tatar": On the issue of cultural and religious syncretism in the artistic culture of Western Siberia]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 76–83. (In Russian)

16. Pilipchuk Ya.V. Ishtyaskaya problema. Bashkiry v epokhu srednevekov'ya [Ishtyak issue. Bashkirs in the Middle Ages]. *Tyurkologiya* [Turkological Studies]. 2018, no. 5 (91), pp. 135–152. (In Russian)

17. Sabitov Zh.M. Kazakhskie esteki/ishtyaki [The Kazakh Esteks/Ishtyaks]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 114–120. (In Russian)

18. Samigulov G.Kh. and Maslyuzhenko D.N. Ponyatie "Ishtek"/"Ostyak" kak sotsionim (Ural i zaural'skie uezdy kontsa XVI–XVII vv.) [The concept of "Ishtek" / "Ostyak" as socionim (Ural and Trans-Ural districts at the end of sixteenth and seventeenth centuries)]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 45–60. (In Russian)

19. Trepavlov V.V. Ishtyasko-nogayskie vzaimootnosheniya [Relations between the Ishtyaks and Nogais]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 99–113. (In Russian)

20. Tychinskikh Z.A. Ishtyak-tugum sibirskikh tatar (k voprosu o tyurko-ugorskikh vzaimodeystviyakh v Zapadnoy Sibiri) [Ishtyak-tugum of Siberian Tatars (on the issue of Turkic-Ugric interactions in Western Siberia)]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 61–75. (In Russian)

21. Fischer I.E. *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli Rossiyskim oruzhiem* [Siberian History from the Very Discovery of Siberia to the Conquest

of this Land by Russian Weapons]. St Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1774. 631 p. (In Russian)

22. Shigabdinov R.N. Esteki/ishtyaki Karakalpakstana [The Esteks / Ishtyaks of Karakalpakstan]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 121–132. (In Russian)

23. Yusupov R.M. K semantike rodovoy simboliki bashkir i etimologii etnonimov bashkort, ishtyak [On the semantics of the generic symbolism of the Bashkirs and the etymology of the ethnonyms Bashkort and Ishtyak]. *Gorodskie bashkiry. Materialy VI Mezhrregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchenoy III Vsemirnomu kurultayu bashkir* [The City Bashkirs. Proceedings of the Sixth Interregional Conference Dedicated to the Third World Kurultai of Bashkir]. Ufa, 2010, pp. 28–32. (In Russian)

About the author: Andrey V. Golovnev – Dr. Sci. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (3, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg 199034, Russian Federation); Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308015, Russian Federation). E-mail: andrei_golovnev@bk.ru

Received April 20, 2020 Accepted for publication August 25, 2020

Published September 29, 2020